

Д-р С. Б. БАЯНОВ.

Чингис-Хан и Монгольская империя

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МОНГОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ*).

ШИРОКАЯ европейская общественность да же в лице образованной своей части не имела правильного представления ни о размерах Монгольского движения, ни тем более, о его политических задачах. Она это движение знала, во первых, постольку, поскольку Монгольское движение только одним своим крылом коснулось самой Европы; во вторых, для объективно - исторического суждения о нем она не имела никакого представления и о том, что предшествовало этому движению и что своей логикой определило и характер и идеологию его. Общественность представляла, что Монгольское движение как бы свалилось с неба, не имея мучительной земной истории. Она полагала, что Монгольское движение явление изолированное и почти единичное и тем легче было его понимать, как Божью кару за грехи человечества. Такое понимание не может быть не истолковано, как самое поверхностное отношение к одному из трагических моментов в истории культуры человечества. В виду этого, считаю своим неперемнным долгом предпослать своей теме несколько слов, посвященных характеристике эпох, предшествовавших Монгольскому движению. И я должен прямо заявить, что нет такого другого уголка на земном шаре, где разыгрывалось бы столько кровавых событий, как это имело место в котловине Центральной Азии за время от 8-сотых годов до Р.Х. до монгольского движения включительно, т. е. до XII века после Р. Х. Переселения народов в древней Европе, движение народов в Малой Азии, в Западном Туркестане и, наконец, в южно-русских степях и все столкновения с ними связанные, — все это ничтожные малые эпизоды сравительно с тем, что происходило в Средне-Азиатской котловине.

Появление азиатских народов в Европе, это только небольшие потоки огромной бури, две тысячи лет разыгрывавшейся здесь. В этой котловине, заселенной издревле сотнями народов и племен в непрерывной исторической последовательности шло образование и разложение 9-10 крупнейших кочевых монархий, границы которых то совпадали с вершинами со всех сторон окружающих их гор, то перекатываясь через них доходили до Каспия, Закавказья с одной стороны

*) Речь, произнесенная на собрании, устроенном Союзом калмыцкой молодежи в Праге (Чехословакия).

и Тихого океана с другой. Как на сцене театра, одно действие сменяется другим, так и здесь в этой котловине господство одного народа сменялось другим. Так сменяли друг друга следующие народы. Огромная Монархия Динлинов — народа интересного тем, что по структуре физического сложения и цвету кожи были столь различны от азиатских народов, что почти все историки Азии видят в них особую ветвь Арийской расы. Их колыбель — верховье реки Хуанхо.

В периоде разложения государства путем распада на несколько частей — они рассеялись в район Алтая-Баянских гор, восточного Туркестана, Северного Тибета.

Их сменяют хунны, создающие тоже огромную Империю. За ними идет монархия Сяньбийская, монархия жеужанская, огромная монархия турецкая от Великого океана до Закавказья. **Турок сменяют уйгуры; уйгур — киргизы**, тангуты; киргизов сменяют Кидане, монархия, просуществовавшая с 9-сотых годов до 1125 года после Р. Х., а Кидане опрокидываются народом Дзиурджениями, завладевшим Северным Китаем, образовав династию Дзинь.

За редкими исключениями существование каждой из этих монархий продолжалось в среднем от 2-х до 3-х сот лет.

Все эти монархии образовывались не пришлыми, а местными народами и каждый из них входил в состав названных монархий. Сменялось только господствующий народ.

Из этого ясно, что все народы котловины Азии испытывали на своей жизни и судьбе, как муки завоевательного рождения этих монархий, так и последующие муки удельно военного разложения, пользуясь чем выходил на сцену поджидавший своей очереди более сильный вассал.

Разрешите привести вам несколько исторических фактов, дающих представление о характере борьбы, тянувшейся почти 2 тысячи лет.

Например, по данным Китайской летописи, использованным знаменитым историком народов Азии Грум-Гржимайло, Хунны, — государство которых просуществовало 300 лет, почти непрерывно вели войны, то с кочевниками, то с Китаем, то между собою в периоде распада на части, — в течении 150 лет; при чем в серьезных походах оперировали силами от 150 тысяч до 200 тысяч воинов. Насколько велики были бедствия, причинявшиеся кочевым миром, силами которого оперировали хунны, видно из то-

го, что именно хунны вынудили знаменитого Китайского Императора Шн-Хуан-Ди построить стену вдоль всей северной границы на протяжении 2-х тысяч верст за 200 лет до Р. Х.

В междоусобной войне в периоде распада Сяньбийской Монархии их вождь Тоба-Гун берет в плен у своего противника своей единокровной знати в числе 5000 человек и 50000 человек поданных своего брата и всех поголовно предает смерти. Его преемник князь Тянь-Шихай в течении 40 лет делает более 30 военных походов, как против кочевников, так и Китая.

Величайший из Сяньбийских вождей Доба-Даго из политического опасения в 450 году убивает собственного сына. В период его господства Китай строит на своей северо-западной границе 616 крепостей, а потом еще 300.

В периоде господства турок один только Кутлуг Хан 47 лет вел непрерывную войну, оперируя огромными военными силами. О размерах этих войн может дать представление то, что турецкий хан Шибив в VII веке после Р. Х. в войне против Китая выступил с миллионной армией, собранной до всего кочевого мира.

Турецкий хан Хочжоно в 698 году предал смерти 80000 китайских пленных обоего пола. Из 400 лет существования Турецкой монархии, двести лет ушло на войну — по данным китайской летописи. Турецкие ханы — Кутлуг и Мочжоно воевали в течении 72 лет (1-й 47 а 11-й 25).

Уже в конце VII века в периоде господства уйгуров по покорении всего почти кочевого мира, уйгуры настолько безчеловечно разорали и опустошали Китай, что население его северной части, исчислившееся в 754 году в 53 миллиона душ, всего за 10 лет постоянных войн в 764 году исчислялось только в 17 миллионов душ. Таким образом за 10 лет истреблено было 36 миллионов населения. Если даже допустить, что часть умерла от голода, а часть бежала на юг, то и тогда цифра истребления должна быть признана кошмарной!

Китайская летопись утверждает, что по данным Грум-Гржимайло, в Северном Китае не осталось ни одной целой хижины, а люди вместо одежды прикрывали свое тело листами бумаги.

В стадии разложения этого государства Хан-Моюн Чур вел самую кровопролитную войну против своего сына, восставшего во главе 15 родов против тиранни своего отца. Моюн Чур неоднократно разбивал армию своего сына и последний раз наказал сторонников сына тем, что угнал у его родов весь скот; увел в плен всех женщин и детей и дал им двухмесячный срок для изъвления покорности.

Но когда этого не последовало, истребил поголовно все восставшие рода с женами и деть-

ми! Это событие произошло уже в IX веке после Р. Х.

Их заменяют Кидане, копировавшие, как в количестве военных походов, так и в жестокости, всех своих предшественников.

Таковы, господа, события, предшествовавшие Монгольскому движению. Оно явилось в длинной цепи событий Центральной Азии последним и, как бы завершающим!

До-монгольская история Центральной Азии является не чем иным, как хищнической атакой кочевого мира на оседлый, представленный культурным и богатым Китаем! Шла борьба не на жизнь, а на смерть! Кроме инстинкта наживы и погони за мишурной славой и титулами, у вождей до монгольского движения — ничего не было! Это была типичная зоологическая борьба, тянувшаяся полных 2 тысячи лет! Но не было ли повторением того же Монгольское движение?

Задачей моего доклада является — доказать, что Монгольское движение отличается от всего предыдущего не только размерами, что по существу не имело бы никакой ценности, но и внутренними стимулами; доказать, что именно размер Монгольского движения определено было совершенно новыми мотивами в истории народов кочевого мира.

К началу выступления монголов мы застаем следующее положение в центральной и юго-восточной Азии.

Китайцы, наученные тысячелетним тяжелым опытом в своей внешней политике, усвоили тактику предупреждения образования крупных кочевых государств, заранее видя в нем неперемного врага, который на него же и бросится.

Поэтому они не допускали усиления того или другого из кочевых племен, достигая этого то сеянием между ними искусственного раздора, то склоняя на свою сторону одного из враждующих племен подачками в виде или громких титулов, или принцессы царской крови, или, наконец, покупая золотом, серебром и т. д.

Историк Грум-Гржимайло приводит на страницах своей книги много хитроумных планов китайских губернаторов, представлявшихся центральному правительству, с целью своевременного подавления того или другого народа, стремившегося выбиться на широкую политическую дорогу. К моменту появления на сцену монголов — недавние господа положения кидане, сброшенные джурдженским народом из Северного Китая и Восточной Монголии — ушли в Западную Азию.

Следовательно, Северный Китай представлен был новыми хозяевами, севшими на голову Китая — джурдженими. Джурджени — сами недавние степняки, выходцы из Манчжурии зорко сле-

дили за степными племенами, переняв традицию итая — обезвреживать их путем поддержания между ними взаимной ссоры, вражды и борьбы. Таково было положение.

При такой обстановке в высшей и восточной Монголии в районе рек Керулена, Онона, Селенги, история застаёт 4 крупных монгольских племен — Керентов, Меркитов, Найманов и собственных монголов. В феврале 1155 году на берегу реки Онона у вождя Монгольского племени Есугея богатыря родился сын, прозванный Темучином.

Ровно через 9 лет, т. е. в 1164 году, мы застаём Темучина едущим рядом с отцом, который направлялся к племени Хунгират найти своему 9-летнему Темучину невесту. Невесту он ему действительно находит, но на обратном пути Есугей сам был отравлен татарами и вернувшись домой — умирает.

Таким образом, 9 лет Темучин осиротел.

Вскоре Темучина покидают все его родственники и увлекаемые честолюбием нескольких старшин все монгольские рода от него отпочковывают и он, брошенный с меньшими братьями и матерью, обязан был сам заботиться о своей тяжелой судьбе. Оказалось, что, кроме нескольких коней — у него не было другого богатства! Ловлей сусликов, зайцев, птиц, рыбы, питает Темучин своих братьев и мать.

Но когда Темучин подросток, его жалкая полудиципская жизнь осложнилась еще тем, что главаря ушедших родов Дячин, Кирилциги, Тайчиуды, стали нападать на Темучина с целью добиться его гибели.

При первом нападении Дайчиутов, так как у Темучина не было людей оказать какое либо сопротивление, он скрылся в лесу, спрятав детей и женщин в горных ущельях. Когда на 9-й день, гонимый голодом и жаждой Темучин вышел из леса, его схватили, надели на него шейную колодку, увели в плен.

Во время победоносного пира своих родственников, Темучин сбил с ног часового, приставленного к нему и бежал. Была поднята тревога и погоня. — Темучин спрятался в реке, погрузившись целиком в воду, держа только нос и лицо на ее поверхности. Когда розыски прекратились, а время было ночное — Темучин вышел из воды, обратно пришел к своим же противникам — зашел в первую же кибитку, при помощи хозяина — освободился от своей шейной колодки и бежал. Вернувшись домой он переменял свое кочевье, чтобы злоумышленники не могли бы его найти.

И нужда и одиночество — сделавшиеся его постоянным уделом — привели его к решению обзавестись женой. Он поехал к тому же Дайцегену, который согласился выдать за него свою

дочь и действительно, женился на его дочери, причем получил не малое приданное.

В числе приданого была дорогая шуба из черных соболей. Взяв эту шубу, он решил искать поддержку у гражданского брата своего покойного отца, вождя Корейтского племени Вай-хана. Пдарив хану шубу, Темучин просил у него защиту и покровительство, в чем тот и не отказывает ему. Женитьба у монголов считается символом достижения совершеннолетия и зрелости вообще. Покровительство, обещанное Темучину самым могущественным Ханом повело к тому, что некоторые родовые группы стали возвращаться к нему, считая его способным уже защищать их от врагов.

Однако, опасность и для него самого не заставила себя долго ждать!

Воинственное племя Меркит, имевшее счеты с покойным его отцом Есугей богатырем, сочло момент удобным отомстить его сыну. Неожиданным нападением на стойбище Темучина они угнали скот, а, самое главное, увели в плен его жену. Сам Темучин скрылся в лесу.

Темучину оставалось только просить помощи у Керентского Ван-Хана, помочь ему освободить из плена жену и вообще отомстить за столь ужасный, но обычный набег.

При помощи Ван-Хана и другого монгольского вождя Джамухи Темучину удалось освободить жену, причем все триста всадников, которые отбили жену его и скот, были перебиты, забран с излишком скот и взяли в плен женщин и детей!

Но через некоторое время ожидала Темучина новая опасность. Тот же Джамуха, его бывший приятель, вошел в соглашение с покинувшими его ближайшими родственниками Тайчиудами и вместе с ними напад на того же Темучина.

Несмотря на тройное превосходство сил нападающих, Темучин выдержал атаку, выбрал для себя очень выгодную позицию и отбросил противников. На поле брани осталось 6000 мертвых, между ними 70 человек военачальников.

Эта победа подняла престиж Темучина настолько, что большинство ушедших родов вернулось к нему во главе с своими князьями.

Начинается административно-военная организационная деятельность Темучина. Хорошо познав значение случайности и степные нравы, он решает обезопасить себя от всяких возможностей. В небольших подчиненных ему родах он организует постоянную силу, способную отразить нападения. Свою ставку он стал охранять постоянной силой, наладив с другой стороны разведку того, чем заняты и к чему готовятся его соседи.

Д-р С. Баянов.

(Продолжение следует).